

мог застать там трех крестьян: Олейника, Пискового и Прудкого, тогда как четвертый – Тененик – уже был на пути в Березов Тобольской губернии [10, с. 11–13]. В любом случае, из Тюмени в Томск и дальше отправились не трое, а только первые двое крестьян, прошедшие полностью весь маршрут до поселения в различных улусах Якутской области [8, с. 82], вдали от тех мест, где отбывал ссылку Аптекман.

Пожалуй, самые драгоценные, единственные в своем роде сведения приводятся в пересказе бесед Аптекмана с крестьянами: «Мне приходилось неоднократно говорить с ними о Стефановиче, – вспоминал он. – В отзывах чигиринцев о Стефановиче мне ни разу не удалось уловить какое-либо осуждение, неодобрение последнему или просто досаду на него. С совершенно эпическим спокойствием чигиринцы формулировали свой взгляд на действия Стефановича следующими (почти буквально) словами: “Мы Стефановича не виним: он нам добра желал! А что касается его присяги, то Бог ему судья!”» [2, с. 282]. Если принять это невероятное сообщение за факт, оно переворачивает имеющиеся данные об отношении участников заговора к разоблаченным «царским комиссарам», авантюра которых сломала жизни сотням чигиринских семей. И тогда указывает на мировоззренческий кульбит, совершенный носителями традиционного сознания под влиянием общения с революционным окружением. Но не будем торопиться с окончательными выводами.

Обобщая материал, необходимо заметить, что анализ воспоминаний показал присутствие в них всех типовых черт мемуарной литературы: от крайней субъективности в оценках до неумолимого влияния времени на память автора. В то же время, они содержат ряд сведений, отсутствующих в других источниках и позволяющих по-иному взглянуть на отдельные стороны изучаемой проблемы. Несомненно, что воспоминания Аптекмана эвристически обогащают историю «Чигиринского заговора» содержательными нюансами, ограниченными оттенками новых эмоциональных впечатлений.

1. Аптекман, О. В. Из истории революционного народничества. «Земля и Воля» 70-х годов. (По личным воспоминаниям) / О. В. Аптекман. – Ростов-на-Дону : Изд. А. Сурат, Типография «Донская Речь», 1907. – 241 с.
2. Аптекман, О. В. Общество «Земля и воля» 70-х гг. по личным воспоминаниям / О. В. Аптекман. – Петроград : Колос, 1924. – 460 с.
3. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). – Ф. 102. – Оп. 77. – Д. 82.
4. ГАТО. – Ф. 3. – Оп. 4. – Д. 964.
5. ГАТО. – Ф. 104. – Оп. 1. – Д. 1240.
6. Деятели революционного движения в России : Био-библиографический словарь. – Т. 2 : Семидесятые годы. – Вып. I. – М. : Изд-во Всес. общ-ва полит. каторжан и ссыльно-поселенцев, 1929. – 406 ст.
7. Короленко, В. Г. Собр. соч. : в 5 т. – Т. 5 : История моего современника / В. Г. Короленко. – Л. : Худ. лит-ра, 1991. – 592 с.
8. Мауль, В. Я. Как поссорились Иван Иванович с Егором Гавриловичем (из истории якутской политической ссылки) / В. Я. Мауль // Вестник Томского государственного университета. История. – 2017. – № 48. – С. 80–87.
9. Мауль, В. Я. Кузьма Прудкий и «Чигиринский заговор» (эпизод из истории освободительного движения в России) / В. Я. Мауль // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2019. – № 3 (60). – С. 26–32.
10. Мауль, В. Я. Лазарь Тененик на воле и в неволе (судьба крестьянского вожака «Чигиринского заговора») / В. Я. Мауль // Вестник Рязанского государственного университета. – 2017. – № 1 (54). – С. 7–17.
11. Мауль, В. Я. «Чигиринский заговор» и крестьянская психология / В. Я. Мауль // Quaestio Rossica. – Т. 5. – 2017. – № 1. – С. 221–240.
12. Милевский, О. А. На пути к «Чигиринскому заговору»: ранняя революционная деятельность Я. В. Стефановича / О. А. Милевский, С. А. Терехова // Вестник Сургутского государственного педагогического университета. – 2020. – № 3 (66). – С. 72–90.
13. Терехова, С. А. «Чигиринский заговор» в современной российской историографии / С. А. Терехова // Народники в истории России. – Вып. 3. – Воронеж : Истоки, 2019. – С. 7–16.
14. Чернавский, М. М. Ипполит Никитич Мышкин (По воспоминаниям каторжанина 70–80 гг.). Мценская пересыльная политическая тюрьма / М. М. Чернавский // Каторга и ссылка. – 1924. – № 5 (12). – С. 30–44.

Михайлова Е. А.

**«МОЯ АВТОБИОГРАФИЯ» И. Ф. ТЮМЕНЕВА:
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ ПАМЯТНИКА**

Илья Федорович Тюменев (1855–1927) – человек крайне неординарный. Его можно отнести к ярким представителям интеллектуальной и художественной элиты второй половины XIX – начала XX в. Рожденный в семье купца и получивший базовое образование в гимназии Видемана и за границей, Тюменев с детства проявлял немалые художественные способности: страсть к рисованию, увлечение музыкой и театром, литературный талант. Кроме того, он был путешественником, переводчиком, публицистом. Но не менее важен еще один талант, которым обладал Тюменев: он был настоящим «архивистом». Причем хранил документы и творческие работы не только свои и своей семьи, но и друзей – в основном, художников. На основании своих дневников, писем и других материалов, отложившихся за долгие годы в семейном архиве, Тюменев создал огромный труд, над которым он работал в конце XIX – начале XX века, и назвал его «Моя автобиография».

Работа включает в себя 10 больших рукописных томов [5], охватывающих период с 1855 до 1904 года – 10 неопубликованных томов, являющихся чрезвычайно важным историческим источником по истории культуры второй половины XIX и начала XX века.

Разнообразные таланты И. Ф. Тюменева сказались и на форме, и на содержании этого памятника. Литературный дар отразился на слоге, которым написан текст автобиографии. Это не только исторический источник, но и прекрасное литературное произведение, читать которое легко и увлекательно.

Форма же этого памятника заслуживает отдельного внимания. Поскольку, очевидно, целью Ильи Федоровича было не только рассказать о событиях, свидетелем которых он оказался, но и донести максимально достоверную и подробную информацию о них, «Моя автобиография» помимо литературного текста включает в себя множество документов, приклеенных к его страницам: это многочисленные письма, записки, визитные карточки, открытки, афиши и программы концертов и спектаклей, фотографии, планы домов и квартир, рукописные журналы и брошюры, газетные вырезки, наконец, засушенные растения – и огромное количество рисунков, выполненных самим Тюменевым и его друзьями (в основном, художниками А. П. Рябушкиным, В. П. Павловым, В. В. Беляевым, П. А. Черкасовым и др.). Это особый тип документа, который встречается, в основном, начиная со второй половины XIX века и связан с дневниковым типом мемуарного памятника, распisanного по дню. Условно этот тип памятника можно назвать «дневник-архив». «Моя автобиография» И. Ф. Тюменева – яркий пример такого типа памятника.

Значение содержания «Моей автобиографии» трудно переоценить. Начать нужно непосредственно с той цели, для которой этот труд создавался – с биографии самого И. Ф. Тюменева. Поскольку до сих пор нет его хоть какой-нибудь более-менее полной биографии (не говоря уже о научной), работа является незаменимым источником сведений о жизни самого автора.

Тюменев с детства был очень увлечен рисованием. И одна из сквозных линий «Автобиографии» – мир русских художников. Автор труда учился в Академии художеств в 1880-х гг., у него появилось много друзей из этой среды. Он следил за выставками, встречался с известными живописцами, и в автобиографии мы находим не только информацию о значимых событиях художественной жизни нашей страны, но и сведения о ее представителях (причем порой уникальные сведения), а также вклеенные рисунки художников или же копии картин, сделанные рукой И. Ф. Тюменева.

«Автобиография» Тюменева, вкуче с другими документам, хранящимися как самостоятельные архивные единицы, порой является единственным источником информации о тех или иных художниках. Так, лишь в 2014 году вышла монография с подробным описанием жизни и творчества А. П. Рябушкина [1]. Выявление множества подробностей, связанных как с биографией, так и с творческой «лабораторией», а также с наследием выдающегося художника, стало возможным лишь путем изучения архива Тюменева и его «Автобиографии». Так же обстоят дела с изучением творчества В. П. Павлова: сведения о нем практически полностью отсутствуют в доступных источниках, в то время как художнику посвящено достаточно много страниц памятника.

Другая область, ставшая важнейшей составляющей жизни и, соответственно, «Автобиографии» Тюменева, – музыка. Илья Федорович был первым частным учеником Н. А. Римского-Корсакова, затем неоднократно встречался с выдающимся композитором и вел с ним долгие и интересные беседы. Он стал автором либретто двух опер Римского-Корсакова («Пан Воевода» и «Царская невеста»), предлагал ему многочисленные темы для будущих произведений этого жанра [3]. На основе своих дневников в 1920-х гг. Тюменев написал «Воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове», опубликованные в советское время со значительными купюрами [7]. Кроме того, Тюменев и сам был композитором-любителем, его романсы и другие сочинения исполнялись в домашних концертах и на вечерах музыкальных кружков. Разумеется, он посещал множество концертов и музыкальных спектаклей, и «Моя автобиография» является важнейшим источником концертной и музыкально-театральной жизни Петербурга и других городов, в которых бывал И. Ф. Тюменев.

Его интересовал не только музыкальный театр, но и драматический: он был заядлым театралом. В «Автобиографии» присутствуют описания репертуара театров, в которых оказывался Тюменев, спектаклей, которые он видел, уникальными документами эпохи являются рисунки мизансцен и актеров в ролях – особенно учитывая отсутствие в то время фотографий, сделанных во время спектакля. При пытливости и интересе Тюменева ко всем главным музыкально-театральным событиям, в «Автобиографии» нашли отражение премьеры концертов и спектаклей, гастроли выдающихся актеров и исполнителей. Так, Тюменев был на первом представлении оперы М. Мусоргского «Хованщина», осуществленного в 1886 году силами музыкально-драматического кружка, первом показе тетралогии Р. Вагнера «Кольцо Нибелунга», которую в 1889 году привезла в Петербург немецкая труппа Неймана, на гастрольных спектаклях великого Т. Сальвини в 1882 и 1900 гг. [4], искусство которого вдохновило К. Станиславского, и мн. др.

Невероятно познавательны и интересны описания путешествий, совершенных Ильей Федоровичем. Тут и поездки по России: Новгородская область, волжские города, Тихвин, Нилово-Сорская пустынь, Вышний Волочек, Карелия – о них известно из многочисленных публикаций Тюменева в журналах «Исторический вестник», «Всемирная иллюстрация», «Живописное обозрение», «Нива» и др. Ездил он в Выборг и др. российские города, в Крым, а также за границу: в Финляндию, страны Европы, совершил большое «Восточное» путешествие [2]. Каждое такое описание – самостоятельное прекрасное художественное произведение, насыщенное историческими подробностями и нередко уникальными сведениями о быте и культуре тех мест, в которых оказывался Тюменев.

Автор «Моей автобиографии» прекрасно понимал значение происходящих вокруг событий, и описывал все значимые ситуации, связанные с крупными личностями. Так, относительно недавно введен в научный оборот фрагмент «Автобиографии» с описанием похорон Ф. М. Достоевского [8], а также опубликован в полном тексте и – впервые – с иллюстративным материалом фрагмент, описывающий похороны М. П. Мусоргского [6].

Всё вышесказанное – лишь немного, что содержит в себе этот удивительный документ. Введение его в научный оборот в полном объеме поможет раскрыть множество «белых пятен» культурного пространства России второй половины XIX в. и рубежа веков.

1. Власова, Р. И. Андрей Петрович Рябушкин. Жизнь и творчество 1861–1904 / Р. И. Власова, Б. А. Соловьева. – М. : Аватар, 2014. – 224 с.
2. Михайлова, Е. А. «Восточное путешествие» И. Ф. Тюменева (1874): фрагмент неопубликованной автобиографии / Е. А. Михайлова // Вспомогательные исторические дисциплины в современном научном знании : материалы XXXIII Международной научной конференции. / Российский государственный гуманитарный университет, Историко-архивный институт ; Высшая школа источниковедения, специальных и вспомогательных исторических дисциплин. – М. : Институт всеобщей истории РАН, 2020. – С. 282–284.
3. Михайлова, Е. А. Неосуществленные оперные замыслы Н. А. Римского-Корсакова (по материалам Отдела рукописей Российской национальной библиотеки) / Е. А. Михайлова // История отечественной культуры в архивных документах : сборник статей. – СПб. : РНБ, 2020. – Вып. 1. – С. 67–77.
4. Михайлова, Е. А. Томмазо Сальвини в Петербурге (1900 г.): фрагмент автобиографии И. Ф. Тюменева / Е. А. Михайлова // Русская литература в российско-итальянском диалоге XXI в.: критика текста, поэтика, переводы / редкол.: М. И. Щербакова (отв. ред.) [и др.]. – М. : ИМЛИ РАН, 2020. – С. 288–312.
5. Отдела рукописей Российской национальной библиотеки. – Ф. 796. Оп. 1. Ед. хр. 7, 8, 12, 15–21.
6. Рахманова, М. П. Два эпизода: Морской корпус и Александро-Невская Лавра / М. П. Рахманова // Искусство музыки: теория и история. – 2015. – № 13. – С. 74–95.
7. Тюменев, И. Ф. Воспоминания о Н. А. Римском-Корсакове / публ. М. О. Янковского // Музыкальное наследство. Римский-Корсаков : исследования, материалы, письма : в 2 т. – М. : Изд-во АН СССР, 1954. – Т. 2. – С. 177–247.
8. Тюменев, И. Ф. Из дневника / публ. Н. Н. Фоянковой // Ф. М. Достоевский: новые материалы и исследования / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького ; Ред. И. С. Зильберштейн и Л. М. Розенблюм. – М. : Наука, 1973. – С. 337–346.

Богдашина Е. Н.

ИСПИТАЯ ДО ДНА ЧАША СТРАДАНИЙ: ЛЕСЯ УКРАИНКА В СЕМЕЙНОЙ ПЕРЕПИСКЕ КОСАЧЕЙ–ДРАГОМАНОВЫХ

Семейная переписка двух знаменитых породнившихся семей Косачей и Драгомановых, в первую очередь письма Леси Украинки (псевдоним Ларисы Петровны Косач-Квитки) с родителями и другими членами своей семьи, является важным видом его-источников для изучения ее биографии, в том числе углубленного изучения влияния туберкулеза костей и суставов и других болезней поэтессы на формирование и дальнейшую эволюцию ее жизненного сценария. Именно в переписке с родственниками Леся Украинка более откровенно обсуждает пережитые своей жизни, в т. ч. проблемы со здоровьем. Одному из своих друзей О. С. Маковею нежелание делиться подробностями своей личной жизни она объясняет в письме из Колодяжного от 14 сентября 1893 г. так: «Всякий человек имеет право защищать свою душу и сердце, чтобы не врывались туда силой чужие люди, словно в свой дом, по крайней мере пока живет хозяин того дома» [1, с. 223].

В работах Е. Богдашиной и А. Осипова, И. Денисюка и Т. Скрипки, Л. Минковой, В. Онипко, В. Святовца [5–6, 8, 11–13, 15] анализируется переписка членов двух семей. В статьях С. Геника [7], А. Кицеры [9], В. Пустовит [14] цитируемые фрагменты писем поэтессы и ее родственников больше посвящены болезням Леси Украинки. К сожалению не все аспекты указанной темы (к примеру, влияние болезней на отношения с родственниками, виды занятий, места проживания) освещены достаточно основательно.

Характеристика медицинской составляющей в семейной переписке Косачей, в т. ч. оценка влияния болезней поэтессы на коррекцию ее жизненного сценария, и является целью нашей статьи.

Большую часть опубликованного эпистолярия Леси Украинки, Елены Пчёлки (на украинском языке Олени Пчілки), других членов семей Косачей и Драгомановых составляют письма друг другу.